

ЧИХАЧЕВ П.

О ИССЛЕДОВАНИИ ВЕРШИН СЫР И АМУ-ДАРЬИ И НАГОРНОЙ ПЛОЩАДИ ПАМИР

Les faits connus sont comme
autant de jalons qui conduisent
aux faits inconnus.

*E. de Beaumont. Geologie
pratique.*

География Средней Азии вообще, а в особенности верхнего бассейна Сыр и Аму-Дарьи, (Сыр-Дарья — *Сихун Арабов — Якзарт Древних. — Аму-Дарья — Джейхун Арабов — Оксус Древних*) находится, поныне, в весьма неопределенном состоянии.

Здесь главная основа сей науки — астрономические данные, чрезвычайно недостаточны и шатки.

Изо всей древности, источники восточного географического знания представляют сумму самых поучительных результатов, ибо, несмотря на всемирное значение завоеваний Александра Македонского и Римлян, равно как и на развитие греческой колонизации в Средней Азии, между Якзартом (*На берегах Якзарта (Сыр-Дарьи) находилась греческая колония Александрия, вероятно на том же месте, где ныне лежит Коканский город Ходжент*) и Гинду-Кху — труды классических писателей об этой части света (включая даже незабвенные таблицы Птолемея) не могут [20] служить ныне опорой для геометрической конструкции внутреннего материка Азии (*См. Гумбольдта, Kosmos, часть 2, стр. 225 и Циммермана, Geographische Analyse der Karte von Inner-Asien, стр. 6*).

Судя по мало исследованным доселе остаткам древнейших Цендских и Индийских писаний, можно отнести заключающиеся в них сведения о Внутренней Азии более к ми-фическому, нежели к рациональному образу понятий, хотя недавно открытые архитектурные памятники и истуканы в Кабулистане и Бамбияне доказывают старинное присутствие Индийской образованности в этих странах (*См. Риттера, Stupa's (Topes) und die Colosse von Bamiyan*).

Из более определенных выводов новейших ориенталистов видно, что Китайцы приобрели первые *положительные* известия о Центральной Азии за полтора столетия до Р. Х. Военные походы их, простиравшиеся до Каспийского моря (*При Китайской династии Хань, основана сильная империя, простиравшаяся от Тихого океана до Каспийского моря. Китайские историки уверяют даже, что при Императоре Минхти, полководец его Пантшаб намеревался сделать вторжение в Римскую Империю. См. d'Hosson, Histoire des Mongols и Klaproth, Tableaux historiques de l'Asie*), частые странствования их буддийских монахов на пути своем в Индию (*См. Abel Remusat, Memoires de l'Academie des Inscriptions, часть 8*), — познакомили их с этим краем. К тому нужно присовокупить, что самый политический состав собственного Китая был причиною раннего в нем развития землеведения. Приобретение точных и подробных сведений сделалось государственной потребностью уже за XXIII столетия до Р. Х., для введения в Китае правильного кадастра и поземельной подати (*См. Китай, в гражданском и нравственном состоянии. Отца Иа-*

кинфа. 1848. часть 3, стр. 95). Знание компаса, одометра и главных созвездий в XII веке до Р.Х. и применение их к географическому определению земель, равно как и ученое направление трудов римско-католических вероучителей, сильно способствовали к доставлению Китаю, с давних пор, драгоценных географических и статистических сокровищ. [21]

Это доказывается, между прочим, материалами, послужившими к составлению карты Иезуитских отцов Галлерштейна, Феликса Ароча и Еспиния, в половине XVIII столетия, по повелению Китайского Императора *Кхун-Лунга*. Труд сей, переведенный недавно знаменитым Клапротом на иждивении Прусского правительства, служит поныне главною основою всех карт юго-восточной части Внутренней Азии.

Проявившиеся гораздо позже на дальнем востоке Арабы отличаются от Китайцев характеристическим свойством — не чуждаться соприкосновения с иноземными народами, а напротив того всячески сродняться с ними, передавая им свою веру, свои познания и обращая даже своих врагов (как напр. Монголов) в невольное орудие своего просвещения.

Изумительный ход и влияние завоеваний Арабов — от западного Китая и Афганистана до Пиренеев, чрез Северную и Среднюю Африку; дальние странствования их путешественников, которых известия были обширнее известий буддийских миссионеров Китая и Тибета; замечательное развитие математических и физических познаний и применение их к практическому исследованию природы — повели Арабов к ближайшему разузнанию внутреннего азиатского материка. Но несмотря на все эти преимущества и на знаменитость обсерваторий Мераги, Казбина, Алеппа, Самарканда и проч. арабские и в след за ними другие восточные ученые, иногда ошибались в географических определениях Средней Азии не на секунды и минуты, но на целые градусы, и тем самым давали ложное направление графическому изображению земель (Смотри превосходную критику Циммермана, в *Goographische Analyse der Karte Inner-Asiens*, стр. 5—36). Сбивчивость в именах местностей, ими упоминаемых, также препятствовала верному назначению их.

Впрочем, при совершенном недостатке точнейших определений, современная наука принуждена принимать восточные данные в состав свой, до тех пор, пока не удастся строгой отчетливости новейших инструментов и метод наблюдения поверить операции огрубевшего ныне квадранта и пока эти [22] страны не сделаются более доступными для любознательности просвещенных Европейцев.

Россия издревле вела торговые сношения с Средней Азией, что явствует, между прочим, из сведений, хранящихся по ныне в разных архивах Империи и еще составляющих, к сожалению, более или менее мертвый капитал знания, по недостатку ученой и полной обработки их (Не говорю здесь о путешествиях наших Князей Константина Ярославича, Ярослава II-го и Александра Невского для поклонения великим ханам Монголии, потому что эти путешествия не описаны). То же должно заключить из находимых в России, в прибалтийских странах и даже в Англии, арабских, персидских и саманидских монет и металлических изделий (См. П. Савельева, *Мухаммеданская Нумизматика*. 1847, С. Петербург).

Западная Европа, хотя не совершенно чуждалась Внутренней Азии, но первые ее положительные, обнародованные известия об этой стране относятся не ранее как к половине XIII-го века, когда быстрые завоевания Монголов обратили на Азию внимание христианского мира.

Путешествия дипломатических миссионеров: Плано Карпини, Асцелина и Руйсбрёка к великим монгольским Ханам, а в особенности 26-ти летние странствования гениального Венецианца Марка-Паоло — Колумба Внутренней Азии — представляются глазам нашим как первые маяки, осветившие вековую мглу, лежавшую на этом крае и сквозь которую ученые тщетно искали проникнуть до истины по шатким указаниям греческих и римских географов.

Между тем, постепенные открытия новых торговых путей через Египет и мыс Доброй Надежды, в XV столетии, равно как и междоусобные войны наследников Чингиса и Тамерлана, нечувствительно отвлекли европейскую деятельность от внутренних земель азиатского материка.

С XVIII века наступает новая эра для Географии этой части света.

Два могучие влияния постепенно возрастают в Азии: на Севере — Россия, с глубоким значением своего [23] географического и народного положения; на Юге — Англия, с свойственным ей духом исследования — движимая неутомимыми пружинами колоссальной мануфактурной промышленности, принужденной искать везде сбыта для своих произведений.

Между этими двумя сильными деятелями христианской образованности, лежат две различные группы народов, которым, равно как и водам рек их — снежный Болорский хребет с нагорною площадью Памир служат *меридианным* разделом. К Северо-Западу от этого раздела живут, на обширных степях Турана, общества мухаммеданского вероисповедания, раздробленные, отчасти пастушеские, без единства и без связи между собою.

На востоке же кроется, слитая в одно целое и частью сжатая масса людей, с древней образованностью, которая, развившись медленно сама из себя в несколько тысячелетий, чуждается и по ныне всякого соприкосновения с остальным человечеством.

Еще в первом периоде владычества Ост-Индской Компании, Петр Великий, окинув метким взором будущность России, постиг всю важность русского влияния на Восток.

Сближая ее могучею рукою с Европой, он в то же время хотел усилить влияние и торговлю ее в Азии. Во имя будущей России гений Петра обнимал и Запад и Восток старого материка.

Виды его на Среднюю Азию известны. Протекшие уже почти полтора столетия мало изменили основную верность их.

Не одни золотиносные россыпи, как некоторые неосновательно полагают, увлекали заботливость Петра — инструкции, данные им Князю Бековичу и Подполковнику Бухтольцу, равно как и строгая последовательность его начальной мысли в предписаниях, начертанных им Подполковнику Ступину и Генералу Лихареву, доказывают, что взгляд и воля его проникали далее.

Может быть, мысль Петра, ясно сохранившаяся в дошедших до нас документах, не могла вполне осуществиться [24] прежде усмирения Калмыков, Башкир и Кыргызов — но эта мысль была велика и верна в своем основании:

Изыскать старинное русло Аму-Дарьи, для возвращения ее водам прежнего их течения к Каспийскому морю;

Тем самым найти удобное звено для связи между Аральским бассейном и устьем Волги;

Изучить судоходство Сыр-Дарьи до ее вершин, с проложением дороги до Яркена и западного Китая;

Подняться вверх по Аму-Дарье с отысканием пути в Индию (Замечательно, что в 1532 было посольство от Султана Бабера, завоевателя Индии и основателя Империи Великих Монголов, к Василию Иоанновичу, Московскому Великому Князю, с предложением взаимной торговли и свободного посещения купцами Индийскими России и Русскими Индии. См. Карамзина Ист. ч. 7, стр. 97) и обратно;

Исследовать, наконец, течение верхнего Иртыша и, укрепясь на нем, проникнуть до Яркена, для основания в нем нового центра владычества, золотопромышленности и торговли русской.

Эта мысль, в смелом размере своем, обнимала всю жизнь Юго-восточной России, северной полосы Центральной Азии (Туран) и западного края Китайского Тюркестана. Она тем разительнее, что Петр, человек ума практического — при обширных географических сведениях, не охотно увлекался порывами одного воображения.

Он успел не только изучить этот предмет в его общности, но и своеручно указал самые средства исполнения, в тяжелые минуты отчаянной борьбы его с Швецией (См. Голикова, Деяния Петра Великого, ч. 5 и 6, также Muller's Sammlung zur russischen Geschichte. 1760, ч. 7 и 4).

Но ежели природа одаряет гения необычайною способностью предугадывать тайны будущего, то слишком редко она дает достаточное число исполнителей, постигающих вполне значение гениальных предчувствий.

Люди, которым был предоставлен весь план действий Петра Великого — с берегов Каспия до верховья Иртыша — не [25] уме ли проникнуть его мысли и не достигли предназначенной им цели.

Быть может, близко время, когда пылкое стремление Великого Преобразователя к сближению России с Центральной Азией должно быть приведено в исполнение — но уже не для увеличения народного богатства одними золотоносными песками — не видами, ныне более мечтательными, нежели практическими, на прямые сношения с Индией — не желанием завоевать Хиву, Бухару, Кокан и Яркен; но миролюбивым, постепенным по-корению варварства влиянию образованности, *посредством коммерческих сношений*. Конечно, эти деятели не столь блестящи, как завоевания, но гораздо более удобоисполнимы, полезны и прочны в своих последствиях.

Дело науки заранее собрать точные сведения и, так сказать, разработать путь для сего исторического момента.

Увеличение нашей меновой торговли с народами Аральского бассейна, столь естественной и взаимно-выгодной; развитие нашей мануфактурной и заводской промышленности и усиление потребностей в приобретении азиатской хлопчатой бумаги и марены; недавнее открытие каменного угля на Мангишлаке и близ Астрабада, который может придать сильное движение пароходству Волги и Каспийского моря, а со временем развить его на водах Арала и впадающих в него рек, — все эти разносторонние обстоятельства и многие другие, едва мелькающие теперь на горизонте

практического мира, могут сделаться значительными. Они показывают сколь важно ныне же, заблаговременно, изучить хотя географию этих стран вплоть до вершин Сыр и Аму-Дарьи.

Изучение это тем необходимее, что наша меновая торговля с западным и внутренним Китаем вероятно разовьется при увеличении английских и американских коммерческих сношений с приморскими областями Китая. Может быть даже надобно предвидеть ту минуту, когда, по естественному ходу вещей, начнет ослабляться наша Кяхтинская торговля и заставит нас искать новых рынков, более удаленных от моря, где можно будет обменивать наши мануфактурные и [26] заводские изделия на китайские продукты, без опасения английского или американского совместничества.

Притом, торговля наша вообще с оседлыми жителями Средней Азии, занимающимися земледелием, совершенно натуральна. Этим жителям необходимы для их земледельческих работ и копания каналов: сошники, бороны, лопаты, мотыги, котлы и вообще разные железные, чугунные и мануфактурные изделия, которые они могут получать выгодно только из России и в замен давать нам хлопчатую бумагу, марену и некоторые другие произведения.

О важности будущего развития такой торговли можно уже судить из того, что прежде Хивинской экспедиции, в 1839—40 годах, марена почти вовсе не шла к нам из Средней Азии; но когда московские приказчики, в эти последние годы, стали посещать Азию сами, то обратили внимание туземцев на это красильное растение, которого разработка ныне весьма увеличилась. Не смотря однако же на значительность сего успеха, привоз азиатской хлопчатки и марены далеко не достигает даже третьей доли общей годовой потребности России.

Из Видов Внешней Торговли (за 1845 год, стр. 25) явствует, что это потребление доходило уже три года тому назад круглыми числами до 750,000 пудов одной сырцовой хлопчатки и до 111,000 пудов марены, из которых только 55,000 пудов хлопчатки и 13,111 пудов марены принадлежали азиатской производимости. Но привоз этих продуктов чрезвычайно увеличился в эти последние три года, и в прошлом 1847 году, один дом предприимчивого московского купца Баранова вывез до 35,000 пудов азиатской хлопчатки (Хотя и азиатская хлопчатка добротою ниже американской, но введение рационального возделывания ее и новейших механических снарядов весьма вероятно улучшат ее качества. По сих пор, этот рудник богатства находится в самом диком состоянии, за тем и не было бы благоразумно сравнивать качество его продуктов с американскими. Доказательством того, что эти недостатки не пугают наших фабрикантов, могут послужить заказы их в прошлом году на средне-азиатских и персидских рынках. Эти заказы, по последним данным Председателя Московского Мануфактурного Совета, Барона А. Мейендорфа, простираются до 100,000 пудов хлопчатки). Спрос же на азиатскую марену усилился до 20,000 пудов. Это быстрое развитие фабричных потребностей, а в особенности бумажнопрядельных, тем разительнее, что не далее 1826 [27] года, общая привозная торговля сырцовой хлопчатки ограничивалась в целом государстве какими-нибудь 50,000 пудами.

Россия может получать из Средней Азии не в пример значительнее количество (По новейшим известиям 1845 года, один Хивинский оазис заключает в себе около 700,000 десятин пахотной земли; средняя производительность каждой десятины обходится около 50 пудов хлопчатки) обоих вышеозначенных продуктов, и что всего важнее — она может получать это не на деньги, а через мену на русские же изделия и с доставкой,

основанною, большей частью, на русском извозе, а не на иностранной транспортировке.

Эти виды, напоминающие некоторые черты экономической теории знаменитого Кобдена — *только применяя их к России* — доказывают, какое развитие может принять наша торговля при лучшем знакомстве с местными способами Средней Азии.

Но для нашего знакомства с нею прежде всего необходимо изучить сущность взаимных коммерческих потребностей, способы доставки и пути, по которым движется средне-азиатская торговля, равно как и сношения, связывающие Западный Китай с бассейном Сыр и Аму-Дарьи.

Ближайшее изучение верхней части этого бассейна и Памирской равнины, по которым лежат пути китайских караванов из Яркена и Кашхара в Бадахшан и Кабул, так как и в Кокан и Бухару, тем необходимее, что вообще эта часть света еще мало известна науке, несмотря на изыскания некоторых русских, а в особенности английских путешественников, поощряемых предприимчивой любознательностью Калькутского азиатского, Бомбейского и Лондонского Географических Обществ, при просвещенном содействии их правительства — несмотря также на глубокомысленные изыскания берлинских Географов (**Гумбольдта, Риттера, Циммермана, Клапрота, Грима и Бергауза**), из которых, [28] хоть напр. Риттер, связал в одно целое разбросанные труды разных странников и придал им высокое значение отчетливой науки.

«Математическая география северо-восточной части Транс-Оксианы или Мавер-эль-Нагара (**То есть страны, лежащей между Аму и Сыр-Дарьей. Смотри Humboldt, Asie Centrale, часть 2. — А далее, в 3-й части того же сочинения, ст. 587, сей знаменитый критик сомневается даже в том, что Хива когда либо была определена астрономически**), говорит Гумбольдт, находится в самом жалком состоянии — географическое положение Самарканда (этого древнего хранилища астрономии) гораздо сомнительнее, даже на счет его широты, нежели положение Бухары».

И в самом деле, не в одной Транс-Оксиане, но и во всей Средней Азии, много ли местностей, определенных посредством трех географических координат: широты, долготы и возвышенности над уровнем океана (altitude)? . . .

Впрочем, иначе и быть не могло, ибо большая часть существующих сведений основаны не на личных наблюдениях просвещенных Европейцев, а на приблизительных известиях и расспросах у Азиатцев, равно как и на собранных издавна восточных ученых материалах и преданиях.

Это и причиною, что современные сведения о Внутренней Азии преисполнены неверностей и географических романов.

Провидение, предоставив России единственное положение в мире, как будто предназначило ее быть посредницею между Западом и Востоком земного шара.

С дальнейшим развитием просвещения и торговли, можно надеяться, что русские и татарские жители ее обширной юго-восточной границы поймут, что им от природы предоставлено особое право быть, так сказать, передовыми *пионерами* на поприще азиатского внутреннего мира.

В этом отношении могут быть особенно полезны Татары. Одаренные редкою торговою смышленостью и любознательностью, они имеют с большей частью Средне-Азиатцев одну веру, один язык, одни обычаи. [29]

К сожалению, однако же, они (так как и большая часть русских торговцев) находятся еще сами в грубом невежестве и, обращая свое внимание исключительно на одни барыши, — этот ловкий, предприимчивый народ возвращается обыкновенно из своих странствований по Внутренней Азии с известиями весьма неопределенными и часто противоречащими.

Посему методическая обработка таких известий; трудное отделение истины от ложных показаний и внесение ее в состав уже существующих сведений и карт, требуют со стороны ученого исследователя большой проницательности, постоянного сравнения представляемых ему материалов, особой сноровки в расспросах и, наконец, предварительное знание предмета, людей и языка — труд убийственный и неблагодарный, который может оценить только тот, кому на долю приходилось заниматься им.

Посему беглому взгляду на состояние науки относительно Центральной Азии вообще, уже можно заметить, сколько скуден источник для ближайшего, подробнейшего обозрения какой-либо отдельной части ее.

С этою оговоркою, я попытаюсь однако же обозначить здесь, по возможности, до какой степени простирается наше специальное знание или, лучше сказать — *наше незнание* нагорной площади Памир и вершин Сыр и Аму-Дарьи, столь интересных хоть в ученом отношении (*Я уже имел честь в 1838 году представить конференции Императорской Академии Наук краткий труд о пользе исследования Средней Азии*). [30]

Pamir is not only a radiating point in the hydro-graphical System of Central Asia, but it is the focus from which originate its principal mountain chains (*Памир — не токмо ядро гидрографической системы Средней Азии, но вместе с тем и сердце главных ее хребтов. — Вуд, Путешествие к истоку Оксуса*).

Wood's Journey to the Source of the Oxus.

Знаменитая нагорная площадь (table-land) *Памир*, есть (*По китайским известиям Памило или Фомило*) вероятно высшая точка той огромной плоскости, которая прославилась в Европе под названием «большого *Татарского плато*» (plateau).

По существовавшим еще недавно понятиям, этот плато покрывал своею чрезвычайной обширностью и высотой всю внутренность Азии между 33° и 50° широты.

Эти ложные понятия о пластическом образовании земель Средней Азии были наконец прояснены глубокою критикою современной науки, на основании положительных выводов новейших местных измерений и с каждым днем увеличивающейся разработки восточных словесностей.

Ныне очевидно, что сия большая выпуклость земной коры уже не составляет непрерывного протяжения одной нагорной равнины чрез всю Среднюю Азию, но что она, — имея *ось своего поднятия* с Юго-Запада на Северо-Восток — распадается на многочисленные, менее или более высокие плоскости (*См. Циммермана, Analyse zur Karte Inner-Asiens, стр. 20—101*), отделенные между собою большими хребтами,

прорезавшимися, вероятно, в позднейшие геологические эпохи, сквозь земную кору (См. Humboldt, *Asie Centrale*. ч. 1, стр. 3—20). Объем и географическое положение этих плоскостей нам более известны, нежели их вертикальная возвышенность над уровнем Океана, которая только отчасти могла быть измеряема ипсометрическими способами и то лишь на одних окраинах, где она оказывалась, обыкновенно, гораздо ниже предполагаемой

вышины.

Полоса земель, простирающихся чрез степь *Хами* или *Гоби*, от Белур-Тага до Хангайских гор, в [31] северо-восточной Монголии и имеющая около 21,000 геогр. квад. миль поверхности (*Loco cit.*); примыкающие к ней с Юго-Востока и Запада нагорные площади Тибета (Тут особенно заметны высокие плоскости *Ладака* и *Кашемира*, из которых первая, по мнению (не основанному однако же на обнародованном инструментальном измерении) Муркрофта, достигает до высоты 15,000 футов, между тем как Жакемонт, по барометрическому наблюдению, определяет возвышенность кашемирского *плато* в 5350 футов. Барон Гюгель увеличивает эту цифру до 5900 футов. — Тибет разделяется ныне под китайским владычеством не на *большой и малый*, как вообще полагается в Европе, а на восточ. и запад., из которых 1-й содержит 2 области *Юй* и *Кхам*, а 2-й также 2: *Цзари* и *Нгари*. См. Статист. Описание Китая Иоакинфом, ч. 2, стр. 136), между Кхун-Лунским и Гималайским хребтами и содержащие, по исчислению ученого Грима, около 20,800 геогр. квад. миль; и наконец, к Западу от Гинду-Кхуских горных узлов, Иранское или Персидское *плато* в 14,000 геогр. квад. миль — составляют три главные отделения первобытно поднявшейся выпуклости внутреннего азиатского материка.

С верхнего же бассейна Сыр и Аму-Дарьи, начиная от последних западных отрогов Болора и Тхан-Шана (Асферахских гор), вплоть до Аральского и Каспийского моря — простираются, как известно, земли низменные, из которых наиболее замечательна *средиземная впадина (concavite mediteraneeenne)* западного Турана.

Нагорная площадь Памир, связывающаяся с степью Хами отлогими уступами своих восточных скатов и известная в этой части Азии под именем *Бам-и-Дуних* (крыши мира), географически с точностью не определена (На картах Марко-Паоло, Клапрота, Макартнея, Арроусмита (составленных им для сочинений Бернса и Вуда), Риттера и Грима, Бергауза и Циммермана, показанные широты и долготы все более или менее различны). Это тем менее удивительно, что со времен Марко-Паоло, т. е. с XIII-го века, один лишь просвещенный Европеец, английский лейтенант Вуд (Wood), проник в 1838 году до южной окраины ее. К [32] этим двум авторитетам (Между ними можно еще поместить недавно открытый ученым Риттером дорожник Иезуитского отца Бен-Гоэса, отправившегося в 1603 году из Кабула в Яркен, через Болорский хребет. Впрочем, в замечаниях Бен-Гоэса заключается мало поучительного о Памире. См. Риттер, *Erdkunde von Asien*, часть 7, стр. 503. Также можно упомянуть здесь известия, находящиеся у арабского географа Якута о Памире. Они проистекают из показаний бывших на нем *Азиатцев*), из которых первый (т. е. Марко-Паоло), по последним разборам некоторых ученых, вероятно, говорит о Памире более по сведениям, собранным им в Китае, нежели по личным своим наблюдениям (См. Humboldt, *Kosmos*, ч. 2, стр. 466, примечание 53), нужно еще прибавить третий авторитет, открытый несколько лет тому назад в китайском описании путешествий буддийского миссионера *Гиун-Цзанг*, в VII веке. [Перевод парижского синолога Жакета (Впрочем, еще прежде этого странника, проходили здесь в VI столетии два буддийские монахи: *Сони-юн-Цзе* и *Гоей-Зенг*. К

сожалению, до нас не дошло от них никакого описания о Памире. — См. Риттера *Erdkuude*, часть 7, стр. 498).]

Естественно, что из них трех, известия, доставленные лейтенантом Вудом, суть самые удовлетворительные, хотя уже и прежде Елфинстон, Макартней, Киннер, Муркрофт, его спутник Мир-Иссет-Улла в Бёрнс передали нам некоторые интересные сведения, почерпнутые ими вероятно из расспросов у соседних туземцев.

Из всех этих более или менее верных данных, можно заключить, что Памир есть нагорная площадь в 15,600 футов (См. *Ипсометрическое измерение лейт. Вуда, в Journey to the source of the Oxus*, стр. 355) вышины, превосходящая слишком 1000 футами вершину Монблана (14430 фут.) и 3,558 футами уровень высочайшего плато Нового Свега *Титикака* (Из прочих американских плоских возвышенностей, нагорная равнина города Кито доходит только до 8940 футов, а города Мехики до 7008 футов. На африканском материке, ни одна из известных плоскостей не превосходит вышины 6648 футов). [33]

Поверхность Памира образует род степи около 100 географических миль протяжения (См. *Bjornsterna's Brittisches Reich in Indien*, стр. 157, вероятно по известиям Муркрофта), от которой, по преувеличенным выражениям Азиатцев «видимо понижаются все прочие снежные вершины Тибета». Она опирается со всех сторон, кроме востока, на снежные бока *меридианного* (N S) хребта Болора, или Белур-Тага (*Иммаус древних. Белур-Таг значит: Хрустальный горы*), связывающего между собою три параллельные с экватором цепи гор тибетской системы: Гималай, Кхун-Лун (Кхун-Лунский хребет, разделяющий области Тибета и Хохенора от Восточного Тюркестана, обозначен на карте и в статистическом обозрении Китая, отца Иакинфа (ч. 1, стр. 6 и ч. 2, стр. 42) под названием *Ниман-ги-шан или Таг*. Вероятно имя Кхун-Лун, внесенное на место его на картах Клапрота, Риттера и Гумбольдта, было заимствовано составившими основную китайскую карту Иезуитами, от древней известности горы Кхун-Лун, лежащей на восточной оконечности вышеозначенного хребта, в китайской провинции Ган-Су, близ Ордоса) и Тхан-Шан.

Это крестообразное, одно другим пересекаемое направление хребтов, составляет очень замечательную черту орографии азиатских земель.

Система поднятия, направляющегося с юга на север, начинается от самого мыса Коморина, насупротив острова Сейлана, под названием Гатских гор, и продолжается к северу до Ледовитого моря, под именем Солиманского, Параласского, Болорского и Уральского хребта, между тем, как параллельное с экватором поднятие Кхун-Луна обнимает весь поперечник азиатского материка, от восточного Китая (провинции Хубейшен) до последних уступов гор Анатолии, у Архипелага (*Humboldt, Asie Centrale*, ч. 2, стр. 367).

Говорят, что три озера оживляют угрюмую картину нагорной страны Памира: *Сыры-кул, Кара-кул и Рианг-кул*. Из них положительно известно одно лишь первое, ибо оно было определено солнечною меридианною высотой, в 37°27' северной [34] широты, лейтенантом Вудом (*Wood's Journey to the Source of the Oxus*, стр. 352. Несмотря на истинное достоинство и добросовестность этого предприимчивого путешественника, нельзя не пожалеть, что он ограничивается изложением одних лишь окончательных результатов своих астрономических наблюдений, без подробного обозначения их образа составления, что было бы удовлетворительнее. Ипсометрические же его измерения были производимы не барометром, а определением термометрической точки

кипения воды, что не дает строгой верности. Впрочем, в подобных обстоятельствах и в странах совершенно неизвестных, наука и без того многим обязана настойчивости и ясному взгляду Вуда), открывшим в нем источник Аму-Дарьи и посягнувшим даже на превращение имени Сыры-Кульского озера в *Lake Victoria* (озеро Виктория).

Кроме Аму-Дарьи, находятся вероятно еще на Памире истоки Сыр-Дарьи (Этому предположению, основанному на преданиях и рассказах туземцев, равно как и на некоторых физических вероятностях, противоречит китайская карта Императора Кхун-Лунга и заимствованные из нее карты Клапрота, Риттера, Грима и проч., где вершины Сыр-Дарьи показаны в Тхан-Шанском хребте, в направлении Кашхар-Даванского прохода. Вероятно однако же, что в этом противоречии скорее ошибаются китайские ученые, нежели временные жители Памира, хотя и этим нельзя совсем верить), одного рукава Инда (См. Sir Alexander Burnes Travels, ч. 3, стр. 180. Риттер опровергает это мнение в своей диссертации о Памире. *Erdkunde*, ч. 7, стр. 482), называемого Куннери Кашхар-Дарьи, которая, соединяясь дальше с большою китайскою рекою Тарим, или Эргюль, вливается в озеро Лоб (Отец Иакинф (Статистическое описание Китая, ч. 2, стр. 124), говорит, что Китайцы полагают, что вершины Кашхар-Дарьи составляют подлинный исток Желтой реки (Хоан-хе), впадающей в Тихий Океан и происходящей из западных холмов Хохенора. Топи, простирающиеся на юго-восток от Лобнора, в котором теряется река Эргюль (т. е. продолжение Кашхар-Дарьи) почитаются водопроводом ее до источника Желтой реки. Если это предположение Китайцев справедливо, то почему столь трудолюбивый и промышленный народ, совершивший уже в 23-м стол. до Р. Х., при Князе Юйе, огромные гидравлические работы для осушения болотистых земель — почему они, по сих пор, не сделал опыта канализации между Лоб-Норскими топиями и вершинами Желтой реки, для улучшения сообщений западных Областей Китая с Пекином?... Ныне караванам и войскам нужно слишком 3 месяца для этого перехода по голодной степи Хами), посреди песчаной Хамской степи. Хотя истоки последних трех рек еще нам неизвестны, но очевидно, что Памир и окружающие его Болорские горы суть *раздельная линия вод* (*divortia aquarum*) западной и восточной части Средней Азии. По[35] этому видно, что не совсем ложна та мистическая знаменитость, которая изстари окружала эту местность на дальнем Востоке.

Эта знаменитость принадлежит к древнейшему поверью, прославленному уже в старинной поэзии Индустана (Индунстанское стихотворение *Магабгарата*, смотри слово *Меру* в *Wilson's Dictionary Sanscrit and english*) и указывающему, под именем *Меру*, на какую-то исполинскую выпуклость земной коры, которой приписывали начало всех рек Азии, со включением даже Ганга, Берремнутра (*Ярун-Иэанбучу* Китайцев, берет свое начало на западных пределах Тибета) и Иртыша.

Лейтенант Вуд предполагает, что источники Сыр и Кашхар-Дарьи находятся в некотором расстоянии от холмов, окружающих озеро Сыры-Куль; но это предположение основано на одних лишь расспросах, ибо Вуд, посетивший только юго-западную оконечность Памира, в самую лютую пору зимы (19-го Февраля 1838 года), едва ли мог пробыть на нем сутки и то подвергаясь опасности замерзнуть ночью, во время сна.

Вероятно, ощущение жестокого холода пробудило в нем старинное воспоминание о замечании, сделанном Марко-Паолом, 600 лет тому назад, на счет уменьшения жара и действия огня при варении пищи на Памире.

Впрочем, несмотря на неприятное открытие этого физического явления, свойственного возвышенным областям всего земного шара, настойчивый английский моряк успевал удачно поддерживать свой бивуачный огонь, ибо он сам сознается, что все время заливался «океанами чая» (oceans of tea) и по временам [36] еще проламывал толстую ледяную кору озера Сыры-Куль, для измерения его глубины (**Эта глубина оказалась только в 9 футов на месте проруба. Wood Ibid. стр. 361).**

С наступлением хотя и позднего лета (в июле), суровая природа Памира, кажется, довольно смягчается, ибо Кара-Кыргызы, прознающие над собою власть Коканского и отчасти Кундузского хана, прикочевывают сюда на несколько недель и с успехом предаются рыболовству в озерах и вершинах рек. Они даже выхваляют изобилие пастбищ и питательность травы, которая так сочна, что, по словам их, совершенно изнуренную лошадь откармливают на ней менее чем в 20 дней (**Марко-Паоло говорит даже, что для этого не нужно более 10 дней**), а овцы весьма часто ягнятся разом двумя ягнятами.

Кыргызы здесь, как и везде, предаются свойственной им наклонности к грабежу и барантам (*чану*), особенно же при встрече с китайскими и тибетскими караванами. На зимовку, большая часть их откочевывает с своими стадами во владения Коканского Хана, чрез верхний Болор или Кипчак и Асферахские горы — статья может, даже, недалеко от пути, ознаменованного блистательным переходом войск Александра Великого, Чингис-хана и Тамерлана.

Некоторые Кыргызские улусы также зимуют к юго-западу от Памира, в земле Вакхан, по течению верхней Аму-Дарьи, в соседстве которой многие мелкие владельцы Паропаниса почитают себя еще поныне потомками сподвижников Александра Македонского.

Боясь Кундузского хана Мурад-Бега (**Уверяют, что злосчастный Муркрофт был умерщвлен по его приказанию**), известного по своей жестокой мстительности, Кыргызы воздерживаются здесь немного от своих обыкновенных набегов.

Главный сотрудник Памирских Кыргызов есть уже не верблюд — как у их степных собратий — а особенного рода мохнатое животное, называемое *як*, которое одно в состоянии [37] пробираться с вьюком по этим извилистым и угрюмым и крутизнам. Привыкший жить в самых возвышенных *альпийских* (т. е. горных) пределах, як чахнет и издыхает, как скоро ртуть в термометре подымается выше точки замерзания. Поэтому, он весною отправляется на ледяные скаты окружающих гор, где проживает пока нижележащие равнины не покроются снегом.

Физиономия этого четвероногого довольно любопытна, хотя в не совсем изящна: покрытый чрезвычайно густою, клочковатою шерстью, он так низок на ногах, что волосами, висящими из-под брюха, почти метет землю, между тем, как шершавый хвост его влечется важно по дороге. Молоко его жирнее коровьего.

Лейтенант Вуд, одаренный, как кажется, редкою игривостью характера, не заметил у первого ему встретившегося *яка* торчавшие из головы рога; он был столь поражен сходством его с Ньюфаундленскою собакою, что не мог воздержаться не вскочить ему на спину, чтобы поближе ознакомиться с порою и походкою этого нового движителя (**Wood. Ibid. стр. 321**).

Караваны, проходящие здесь из степей Китайского Тюркестана в Бадахшан, Кувдуз и Кабул, а иногда в Бухару и Кокан, обыкновенно перегружают свои вьюки с верблюдов в даже с известных сносливостью своею кашхарских лошадей, на *яков*, для вернейшего перехода чрез эту гористую страну.

Другие еще свойственные Памиру два жителя, кроме *яка*, суть: животное, называемое *рас*, которое ростом более коровы и менее лошади, с столь огромными рогами, что их один чело-век не в силах поднять. Разбросанные большими грудями по снежной равнине, эти рога зимою служат вехами для указания дороги. Мясо *раса* очень вкусно и весьма высоко ценится кыргизами. Вуд этого животного сам не видал, но за то познакомился с другим собратом его, называемым здесь *куч-кар*. Это есть нечто среднее между козлом и бараном. Он ростом с двухлетнего жеребенка, с почтенною, волнистою бородою, с длинными волосами и рогами, частью [38] прямыми, частью витыми. Шерсть его более походит на коровью, нежели на баранью.

Этим скромными уроженцами Памира заключаем мы беглый очерк этой нагорной площади, передав здесь главные черты всех наших ограниченных о ней понятий; но так как недавний, едва ли не единственный европейский очевидец ее, Вуд, коснулся только самого юго-западного предела Памира, то можно сказать, что настоящая география этой площади, простирающейся, по словам Марка-Паоло, на 12 дней езды, нам еще вовсе неизвестна.

По северо-западному скату ее и верхнему течению Сыр-Дарьи, лежит вероятно путь, по которому Кара-Кыргизы откочевывают ежегодно на зимовку в Коканские владения.

Но вся эта страна также столь мало известна, что несмотря на мое старание добыть какие-либо верные сведения в доступных для публики русских печатанных или рукописных известиях — начиная с *Книги Большому Чертежу*, — я должен сознаться, что ничего не нашел, могущего прояснить хоть приблизительное изучение этого края (Судя, по крайней мере, по материалам, заключающимся в путевых записках Путинцова, Бурнашева и Пospelова (в 1800 году), Татарина Муртазы Фейзуллина (1816 году), Назарова (в 1814 году), казачьего хорунжего Потанина, в 1830 году, и в некоторых других разбросанных известиях). Может быть и находятся где-нибудь в архивах полезные материалы, но как они не обнаружены, то для ученого света все равно, как бы они не существовали.

Просмотренные мною русские дорожники описывают лишь вскользь пройденные путешественниками окрестные земли, личные приключения сочинителей, не всегда поучительные, и тому подобное; но нет в них ни основных пунктов, математически определенных, ни точных измерений глубины и ширины рек, ни аккуратного исследования путей сообщений, привоза и вывоза главных товаров; словом — нет того, из чего бы возможно было составить — не академический труд, о котором, относительно Средней Азии, еще долго думать [39] нельзя — а по крайней мере, хоть редкую сеть опорных точек, по которым точнейшие изыскания могли бы направляться с некоторою отчетливостью.

Даже о самом Ханстве Кокан (древней Фергане) и дальнейшей гидрографии Сыр-Дарьи, отечественные сведения наши, большею частью, также весьма не удовлетворительны (Наука обязана приблизительными понятиями, существующими ныне о географическом положении городов Кокана, Ходженда, Ташкенда, астрономическому путешествию Иезуитов Галлерштейна и Ароча, посетивших города Андижан и Уш в прошлом столетии, для составления большой китайской карты; однако же

сомнительность в сих данных столь велика, что ученейшие современные картографы дают этим местностям различные назначения). Тем более должно сожалеть о трагической смерти капитана Конолли, который несколько времени прожил в Кокане и верно бы сообщил свету поучительные о нем сведения, как он уже это доказал в первом своем сочинении (*Overland journey to India, through Russia and Persia. — Lieut. Conolly*).

Здесь нельзя не упомянуть о характеристическом достоинстве английских путешественников.

Несмотря на то, что они рассыпаны, в большом числе, по всему земному шару (не говорю здесь о томимых скукою фашонабельных туристах), редкий из них отправляется в страны мало посещенные, не будучи побуждаем к тому особенным внутренним стремлением.

На Востоке, может быть более нежели где-либо, оказывается нужда в исследователях, имеющих специальное назначение и образование. Они должны, так сказать, составлять особую *маленькую милицию*, имеющую свойственное ей устройство, телесную выдержку, умственное направление и нравственную дисциплину.

Если изыскания английских путешественников в Азии не всегда имеют предметом одну науку, то и тогда, по коммерческим их видам, по просвещенному и любознательному взгляду на вещи — они приносят хоть косвенную дань географии *обнародованием* сведений новых и благонадежных.

К сему должно присовокупить навык их, приобретенный с детства, приморских и торговых обычаев своего отечества — [40] беречь время и отдавать себе во всем верный отчет. От того почти ни один Англичанин не пускается в дальнее странствование без заранее обдуманного плана, без приготовительных изысканий, без вычисления средств ему доступных и без всякого рода измерительных инструментов; от того-то и труды, совершенные им с редкою любовью и настойчивостью, приносят обыкновенно полезные плоды, несмотря на форму, по-видимому, однообразную и сухую английских *Personal Narratives* (личных рассказов).

Эти мимоходом набросанные здесь замечания относятся в особенности к тем предприимчивым и просвещенным исследователям, которые с самого конца прошлого столетия не страшились жертвовать своею жизнью для изучения разных стран Внутренней Азии. Имена этих страдальцев науки и патриотизма вероятно всем известны.

Довольно трудно сказать то же самое о большинстве наших средне-азиатских путешественников, хотя в числе их есть имена, на которые русская наука может всегда указать с гордостью, таковы: Муравьев, барон Мейендорф, полковник Берг, и проч. (*К этой светлой плеяде наших средне-азиатских путешественников нельзя не присовокупить имя погибшего в цвете лет своих Лемана, на возвратном пути своем из Самарканда и Бухары с Н. Ханыковым. Все те, которые участвовали в Хивинской экспедиции 1839—40 года, могли оценить самоотвержение этого ревностного мученика науки*).

Из остальных же посетителей Средней Азии, многие слишком мало постигают всю практическую пользу высшего, ученого взгляда на вещи, столь резко выраженного в известном английском афоризме: *Knowledge is power* (знание есть сила), от чего они и ограничиваются обыкновенно лишь поверхностным, случайным замечанием предметов.

Отправляясь в путь без специального приготовления, без предварительных познаний, они слишком часто надеются на русское *авось* — которое, неоспоримо, могучий движитель нашей натуры, но только не для приобретения точных географических данных. Но если, с одной стороны, Англичане умели постепенно [41] развить в себе качества, отличающие отчетистого путешественника от простого странника, то, с другой стороны, природа лишила их, отчасти, той драгоценной гибкости и способности присваивать себе языки и обычаи разных людей, которою она столь щедро одарила русский народ.

Эта способность принесет богатейшие плоды науке, когда она будет применена не токмо к изучению восточных языков, но и к ученой их словесности. Отец Иакинф и некоторые другие могут служить живым доказательством сколь успехи новейшей восточной географии тесно связаны с развитием знания азиатских словесностей.

Даже в физиологическом смысле Русским предоставлено более удобства, нежели Англичанам, для азиатских странствований.

Уже в 1818 году, китайская полиция, как уверяют, прибила к стенам Яркена непомерно рыжее изображение миролюбивого Муркрофта (**Муркрофт никогда сам не доходил до Яркена, но был задержан два года на пути своем туда, в 1812 году, в городе Китайского Тибета, Ладак**), для скорейшего разузнания и арестования желающих пробраться в Небесную Империю, соотечественников его. Она вероятно не была столь поражена физиономией лиц славянского происхождения, ибо несмотря па попадающихся иногда русских мелких торговцев в пограничных китайских городах (**Муртаза Фейзуллин говорит в рукописи своей, что ему случилось встретить в Кулдже, в 1815 году, шесть Русских, с бритыми головами, выдающими себя за Коканских купцов, из города Андиджана. Они так хорошо говорили по татарски, что никто не мог их разузнать**), по сих пор не слышать о подобной трагикомической мере в отношении к кому-нибудь из них.

Не взирая однако же на эти природные выгоды наши пред Англичанами, ценность географических результатов, ими приобретенных в Азии, неоспоримо превышает ценность русских.

Явным доказательством тому может послужить сравнение между нынешним знанием Сыр и Аму-Дарьи.

Казалось бы, по соседству этих рек с Россией — заслуживали они сделаться известными свету исключительно через [42] наших путешественников. «Казалось бы, что этот полный жизни вопрос новейшей географии и торговли русской касается до нас во всех отношениях несравненно более, чем до других народов» (**См. Сенковского, Аму-Дарья, стр. 138**).

К сожалению факты доказывают противное: Из этих двух рек более известна ныне — Аму-Дарья, и этою известностью она обязана, большею частью, Англичанам, в особенности же Вуду, Бёрнсу и Макартнею; между тем, как гидрография Сыр-Дарьи, лежащей недалеко от нашей сибирской границы, почти не существует, кроме устарелых показаний «Книги Большому Чертежу», составленной в конце 16-го столетия, и некоторых разбросанных и на новейших расспросах основанных известий. Между тем, торговое и политическое значение сей речной системы неоспоримо важнее для России, нежели значение Аму-Дарьи для Англии. И так, при совершенном недостатке европейских ученых данных о верхнем бассейне Сыр-Дарьи, остается нам

прибегнуть (за исключением восточных, довольно не-определенных известий) к дорожникам спутника злосчастного Муркрофта, Делийского уроженца Мир Иссет-Уллы и русского Татарина Муртазы Фейзуллина, которые оба пересекли верхнюю часть потока Сыр-Дарьи, на пути своем из Кашхара в Кокан, в 1812 и 1816 годах.

Оба приблизились к верховью этой реки при переходе своем через горы Терек-Шан, которые суть ничто иное, как продолжение параллельного с экватором хребта Тхан-Шана, пересекающего далее на западе *меридианный* гребень северного Болора, или Белур-Тага.

Эта дорога издревле посещается чайными караванами, отправляющимися из Кашхара и Яркена на Коканские и Бухарские базары. Она составляет, вместе с дорогою через Памир, два главные торговые пути между западным Китаем и бассейнами Сыр и Аму-Дарьи.

Из показаний вышеупомянутых дневников явствует, что [43] Сыр-Дарья распадается, немного выше Коканских городов Уш и Маргилян, на два рукава, называемые *Нарым в Гуль-шин*, из которых последний, хотя и менее первого, но вероятно составляет начальный поток Сыр-Дарьи.

Это предположение основано, во-первых, на указанное *Гуль-шину* направление в китайской карте Клапрота, где течение этого рукава, хотя и направленное вероятно слишком на восток, но все-таки ближе подходит к гипотезе Бёрнса в Вуда о происхождении Сыр-Дарьи из Памирской нагорной области, нежели обозначенное в этой же карте направление *Нарыма*; во-вторых, на вероятности некоторого сходства между общим характером источников Сыр и Аму-Дарьи.

Река Аму, как уже выше сказано, проистекает из озера Сыры-Куль, в виде узкой, но весьма быстрой струи, называемой *Дорах-Сыры-Куль* и сливающейся, при местечке *Иссар*, с речкою *Сырхад*, более ее объемистой, но и более медленною. Различение начальных вод Аму-Дарьи, при месте стечения этих двух притоков, поставило проникательность Вуда в довольно большое затруднение.

Не зная точно, которой из них ему должно следить для достижения желаемой им цели, он измерил температуру воды той и другой, и найдя, при гораздо быстрейшем течении, что ртуть его термометра понизилась в *Дорах-Сыры-Куль* на 5 градусов ниже, нежели в *Сырдахе*, он решился исследовать эту первую струю вплоть до ее начала, полагая весьма справедливо, что один лишь крутой уклон русла ее, по скатам высокого Памира, мог придать ей столь большой перевес над другим притоком и в быстроте течения и в сохранении столь холодной температуры (См. *Wood's Journey to the Oxus*, стр. 332).

Мир-Иссет-Улла и Муртаза Фейзуллин, кажется, мало интересовались изучить направление настоящего начала Сыр-Дарьи. Они преравнодушно говорят, что она вероятно проистекает из *Бурутских* гор (продолжение Тхан-Шана), к юго-западу от города Уша. [44]

Переводчик Назаров, бывший в 1814 году в близлежащих от Уша городах Андиджан и Маргилян, также неясно говорит о источнике Сыр-Дарьи, которого рукав *Нарым* он, как кажется, принимает за начальный поток ее, указывая на горный проход *Кашхар-Даван* (продолжение Тхан-Шана), как на место ее происхождения (См. *Ritter's Erdkvmde*, часть 7, стр. 410—483).

К сожалению, мне не посчастливилось найти в переводах восточных сведений Эбн-Гаукуля, Эдризиды, Абул-Феды и Султана Бабера, равно как и китайских известий — более определенности в понятиях о настоящем источнике Сыр-Дарьи.

Не трудно понять, что из подобной смеси неясных данных ничего нельзя заключить, кроме того, что мы ныне, касательно вершин Сыр-Дарьи, в том же положении неведения, как были, в отношении к Аму-Дарьи, прежде путешествия Вуда и Бёрнса.

О судоходстве же по верховью Сыр-Дарьи, об удобствах сплавления леса и другие сырые продукты Коканского ханства, по течению ее, вплоть до устья — *столь интересный ныне для России*, наука несравненно менее знает, нежели об Аму-Дарьи.

Уверяют, что выше города Уша находятся броды через Сыр-Дарью, но что ниже по реке, они уже не встречаются до самого ее впадения в Арал, потому что она расширяется постепенно от 200 до 400 саженей и, с самого соединения начальных притоков Нарыма и Гульшина, уже подымает небольшие лодки.

Уверяют также, что в верхнем бассейне Сыр-Дарьи, и в особенности на речке Чирчик (равно как и при многих других азиатских реках) находятся золотоносные пески и даже самородки, равно как и рубиновые и бирюзовые копи, наиболее близ города Исфара. Но, к сожалению, эти известия о минеральном богатстве рек Средней Азии, возбуждавшие, отчасти, в Петре Великом его обширные замыслы на дальний восток — 130 лет спустя, почти так же мало прояснены наукою, как и при нем. [45]

Что таковые копи существуют, с древнею знаменитостью, при верховье Аму-Дарьи, в недавно завоеванной Кундузским Ханом области Бадахшане, то об этом нет сомнения, ибо Вуд сам посещал возле города *Джерма*, находящиеся бирюзовые копи и только по слабости льда на Аму-Дарье не мог достигнуть рудников, где добывают рубины (*См. Wood's Journey etc*).

О существовании же подобных минеральных сокровищ на Сыр-Дарье и в Коканском Ханстве можно лишь приблизительно заключить из некоторых показаний Пospелова и Бурнашева (в 1800 году), которые, несмотря на то, что были Колыванские Берггешворены (старинное название горных инженеров), не имели любопытства английского моряка Вуда, для личного исследования столь интересного предмета.

К сим поверхностным сведениям можно бы было еще присовокупить и другие, касающиеся дальнейшего течения, равно как и самого устья Сыр, и Аму-Дарьи. Можно бы было также возобновить здесь вопрос о предполагаемом старинном течении реки Аму в Каспийское море — вопрос, который со времен отца географии, Геродота поныне еще не решен окончательно. Но я останавливаюсь, опасаясь передать о нем, равно как и о Сыр-Дарье, одни лишь неудовлетворительные, шаткие известия, а о настоящем течении Аму-Дарьи — факты, уже ныне известные из трудов новейших путешественников.

Обе эти могучие артерии внутренней жизни Азии, имеющие один конец в Арале, имеют также, вероятно, и одно начало на Памире.

Воды их, низвергающиеся с исполинской высоты 15,600 футов, чрезвычайно быстро стремятся по гористой части их корыта. Но далее, по отлогому склону низменных Туранских степей, их течение становится несравненно медленнее. Близ Аральского моря, эти реки, мелководьем своим и постепенным засорением устья даже угрожают

будущему судоходству. Уверяют, что это мелководье происходит не от [46] одного уменьшения склона в их речном русле, но что бесчисленные каналы, искусно проведенные на всем протяжении Сыр и Аму-Дарьи, для орошения засохших полей, поглощают огромную массу воды и тем самым убавляют силу ее стремления, простирающегося вероятно на слишком 2000 верст.

Впрочем, одно лишь точнейшее изучение этой двойной системы рек, равно как и Аральского моря, может прояснить действительное значение их.

Поныне — *строгое* ипсометрическое отношение уровня Арала и Каспия, от которого столь сильно зависит решение вопроса о возможности существования старинного русла Аму-Дарьи, — гидрография Сыр-Дарьи вплоть до ее истока, равно как и вершины Кашхар-Дарьи и одного рукава Инда (реки Куннер), — геологическое и гидрографическое значение Болорского хребта и Памира, которые суть, так сказать, сердце гор и начало рек средне-азиатских и предполагаемое существование, в этом ядре, озер Кара-куль и Рианг-куль, равно как и многие другие ученые desiderata составляют еще огромный пробел в области науки, на котором, несмотря на фантастически испещренные карты (*Обманчивая пестрота среднеазиатских карт происходит, между прочим, от того, что многие картографы, не занимаясь специально восточную географией, теряются в хаосе разнородных, сбивчивых показаний и собственных имен. Опасаясь оставлять пробелы на картах своих они их часто наполняют разными идеальными контурами гор, рек и тому подобное. В последствии, по недостатку строгого критического обзора, эти произвольные начертания, некоторым образом, увековечиваются, переходя из одной карты в другую, с разными подробностями. Посему, покамест карты мало исследованных земель азиатских не будут сопровождаемы аналитическими описаниями, показывающими их образ составления, математические и другие данные, служившие им основой, до той поры сии карты будут всегда более или менее казаться сомнительными тем, которые понимают всю трудность отчетистого графического изображения средне-азиатских стран, озаменованных, с истари, столь частыми переходениями разных народов*), вырезывается невольно одно лишь название:

Terra incognita. [47]

Сколько же любопытства возбуждает подобное значение этой части Азии, можно заключить из нижеследующих слов сильнейшего возбудителя географических и физических вопросов и патриарха путешественников нашего времени — гениального Гумбольдта:

"Во всей моей жизни я ни о чем столь не жалел, как о том, что не удалось мне самому проникнуть в эти знаменитые страны, которых отношения с Кордильерами Нового Света я хотел изучить собственными глазами.

Во время царствования Императора Александра I, при Министерстве графа Румянцева, я был приглашен сопутствовать миссии, долженствовавшей отправиться в Тибет, чрез Кашхар и Яркен (*По последним Бомбейским известиям, от прошлого ноября месяца, отправилась английская ученая экспедиция к Китайскому Тибету, под руководством капитана Кунингама (Cunningham), в начале прошлой осени. — Эта миссия должна идти к вершинам реки Сютледж(Sutledge), для определения границ между Пенджабом и Тибетом, но так как тут вероятно встретится некоторая медленность со стороны китайских чиновников, то различные члены этой экспедиции будут, в течение 2 лет, заниматься географическим исследованием сей части Средней Азии, по побуждениям,*

данным Александром Гумбольдтом в своем сочинении: *Asie Centrale*. — В нынешнюю же зиму 1848 года, поручено экспедиции пробраться чрез горы *Каракорум* (часть Кхун-Лунского хребта) в китайские города *Хотен* и даже в *Яркен*, для достижения чего полагают, что нужно будет исходатайствовать содействие Далай-Ламы, присутствующего в священном городе *Хлассе*. — Главные поручения вышеозначенной миссии распределены между капитаном Кунингамом и поручиком Стрече (*Strachey*), долженствующими исследовать, отдельно, малоизвестные страны этой части *Азиатского материка*).

Война 1812 года помешала исполнению этого великого предприятия.

Не упавшая однако же духом, я прилежно учился персидскому языку несколько лет сряду, в надежде пробраться в Среднюю Азию, чрез Тегеран и Герат. Обстоятельства, не интересные ныне для публики, заставили меня, наконец, отказаться от предприятия, которое долгое время занимало меня".

«Такова судьба человека — доходишь до конца жизни своей и сравниваешь, не без прискорбия, то малое, что удалось сделать для науки, со всем тем, что бы хотелось для нее совершить" (*Asie Centraie, Часть 2, стр. 439*).

Примечание редакции: Чтение настоящей статьи возбудило со стороны одного из Членов Р. Г. Общества, известного синолога Иоакимфа Бичурина, замечания, которые и помещаются в конце настоящей книжки Записок.

Текст воспроизведен по изданию: О исследовании вершин Сыр и Аму-дарьи и нагорной площади Памир // Записки Русского географического общества. Кн. 3. СПб. 1849